

I и II ДОВАТУРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ СССР АН СССР

С 10 ноября 1982 г. в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР регулярно проводятся Научные чтения, посвященные памяти известного ученого, доктора филологических наук, профессора А. И. Доватура. В них принимают участие сотрудники институтов АН СССР и ЛГУ.

Открывая I Научные чтения, Э. Д. Фролов (ЛГУ) поделился воспоминаниями о педагогической деятельности Аристиды Ивановича Доватура.

В своем докладе Я. М. Боровский дал интерпретацию стиха 247 «Агамемнона» Эсхила, которая отличалась от принятого в науке традиционного толкования. Докладчик обратил внимание на то, что хор (в пародии «Агамемнона»), доведя повествование о походе под Трою до момента заклания Ифигении, замолкает (τὰ δ' ἔνθεν οὐτ' εἶδον οὐτ' ἐννέπω «дальнейшее я не видел и об этом молчу»). Этот стих Э. Френкель комментирует следующим образом: «τὰ δ' ἔνθεν κτλ показывает, что старейшины были в Авлиде свидетелями всего, о чем говорили до сих пор. Конечно, зритель не имеет права — и если это тот зритель, для которого писал Эсхил, то не имеет и повода, — задаваться вопросом, почему старики провожали поход до самой Авлиды». Однако едва ли отсутствие какой бы то ни было мотивировки предполагаемого плавания аргосских старейшин до Авлиды могло быть столь безразличным для зрителя, как это представляется Э. Френкелю. Есть и прямые доводы против сделанного им предположения. Прежде всего трудно объяснить слова хора в том же пародии (ст. 72 сл.) иначе, нежели тем, что старцы распростились с отплывающим в поход войском уже в Аргосе. Недопустимо также, по мнению докладчика, чтобы они могли, присутствуя при начале обряда жертвоприношения, удалиться до его конца. Хор не видел ни самого заклания, ни того, что ему непосредственно предшествовало; и то, и другое — события десятилетней давности — известно ему по общей молве; но в данном случае он умолкает, по замечанию схолиаста, διὰ τὸ ἀπ᾿ ἀφροσύνης τῆς σφαγῆς «вследствие бесчеловечности этого заклания». И эта риторическая фигура умолчания представляется столь же выразительной, как и молчание Ниобы у гроба ее детей в другой трагедии Эсхила.

В докладе «Трагедия Эсхила „Молящие“ в свете этнографии» Д. А. Ольдерогге (ЛЧИЭ) рассмотрел различные толкования спора между дочерью Даная и их двоюродными братьями. Комментаторы видят в этом споре отклик борьбы за материнское право (Дж. Томсон), изживание норм кровнородственной семьи (Н. Сахарный), отражение норм открытой Морганом туранской системы родства, запрещавшей браки между двоюродными братьями и сестрами (В. Борухович). По мнению докладчика, рассматриваемый эпизод трагедии Эсхила позволяет говорить о столкновении двух норм брачных отношений — греческой и арабской. У арабов на Ближнем Востоке весьма распространен брак на дочери брата отца, так называемый брак на бинт-самм, тогда как, по представлениям греков, в том числе греков Кирены, подобная форма брака считалась недопустимой. Д. А. Ольдерогге считает, что комментаторы не поняли сущности брачных отношений, описанных Морганом, и допустили смешение различных типов брачных норм в турано-ганованской системе, которые допускают различные формы кузенных браков. К эпохе древнегреческих полисов не приложимы рассуждения об изживании кровнородственной семьи, поскольку эта форма семейных отношений могла существовать лишь в самый начальный период развития человеческого общества. Про-

блема брачных норм предпочтительного брака бинт-самм давно привлекала внимание этнографов. В трагедии Эсхила, считает Д. А. Ольдерогге, нашел отражение один из древнейших типов такого рода кузенных браков.

А. И. Зайцев (ЛГУ) в своем сообщении «Античный полис и его возможные аналоги» отметил, что предпринимаемые рядом исследователей поиски аналогов полиса на древнем Востоке, в Киевской Руси и иных районах побуждают исследователей античности снова вернуться к уточнению природы античного полиса. По мнению докладчика, античный полис представлял собой сравнительно небольшой коллектив полноправных граждан, самое большое — несколько десятков тысяч человек, сконцентрированных на небольшой территории. Гражданский коллектив монополизировал в своих руках владение землей. Ополчение граждан-землевладельцев, вооружавшихся на свои собственные средства, было ядром вооруженных сил полиса. Граждане полиса контролировали основную часть жизненно важных для функционирования экономики полиса рабов. Воля большинства гражданского коллектива определяла внешнюю и внутреннюю политику полиса. Докладчик считает, что решающим фактором в возникновении полисов являлось распространение железа среди племен, готовых по своему уровню развития к образованию государства, но сохраняющих традиции племенной демократии. В этих условиях гражданское ополчение гоплитов могло обеспечить максимальную по тем временам военную мощь даже небольшого по территории государства со сравнительно малоразвитым государственным аппаратом, что характерно для полиса.

В докладе «Слепые рабы скифов (Herod., IV, 2)» А. К. Гаврилов (ЛГУ) предложил истолкование пассажа, который исстари вызывал ряд разночтений. Докладчик допускает, что рассказ Геродота, в рукописной сохранности которого нет оснований сомневаться, может быть недостоверен, но достаточен для того, чтобы на основании верных предпосылок усмотреть в нем связанное изложение; реконструкция того, что имело место в действительности, является более сложной задачей. А. К. Гаврилов обращает внимание на то, что глагол (εχ)τιφάω означал не только целенаправленное действие (например, Herod., IX, 93), но и побочное следствие других действий — иными словами, из рассказа Геродота видно, что скифы ослепляют рабов, поручая им работы, от которых те теряют зрение. Поскольку, судя по тексту Геродота, к моменту взбалтывания молока рабы названы слепыми, то естественно предположить, что ослепли они во время доения кобылиц или в какой-то связи с этим. Причина гадательна: возможно, зрение страдает от усилий при интенсивном и продолжительном дутье. Однако, не обнаруживая подобных свидетельств ни в научной, ни в народной медицине древних, докладчик высказал предположение: не опирается ли рассказ Геродота о слепых рабах на распространенные представления, согласно которым глядение на pudenda людей и животных может вызвать слепоту, что имеет место при том способе доения, который описан у Геродота. Поскольку фольклорные параллели не дают прямого соответствия, докладчик рассматривает свое предложение как дискуссионное.

В докладе «Социальная специфика миграционных процессов архаического типа» Ю. К. Поплинский (ЛЧИЭ) предложил свою реконструкцию социального состава мигрирующих групп для первичной и перехода ко вторичной формации, а также выделил основные принципы формирования мигрирующих контингентов. Докладчик наметил конкретные формы осуществления миграций архаического типа и их механизмы. Один из продуктивных типов формирования миграционной группы представляет собой сегментацию социума, т. е. его разделение на самостоятельные части, каждая из которых сохраняет все черты родительского организма. Другой принцип формирования социальной структуры миграционной группы реализуется в формировании отряда из мужчин — воинов первой ступени (иногда и более старшего возраста) во главе с предводителем-сверстником. Интерпретация большой группы sag о священной весне (veg sasgum) и привлечение типологически однородных параллелей позволили докладчику показать, что миграционные походы групп мужской молодежи преследовали наряду с социально-регулятивной и экономико-демографической также цель инициации возрастной когорты воинов. Несмотря на то, что по имеющимся источникам фиксируется исключительно мужской состав групп, привлечение стадияльно соответствующего материала позволяет наметить варианты решения вопроса об участии женщин в миграционных процессах архаического типа: 1) при выведении за пределы автохтонной территории сегмента социума женщины присутствуют в группе мигрантов;

2) к мужской воинской группе, предназначенной для образования нового поселения, присоединилась группа женщин из соответствующей возрастной группы собственного этноса; 3) молодые мужчины-воины находили жен в среде чужого этноса, часто согласно эпигамным межплеменным правилам. Установление возможных вариантов социального состава миграционных групп, характерных для обществ первичной формации, позволяет, с точки зрения докладчика, уточнить вопрос о скорости и темпах миграционных процессов и сделать вывод, что они, как правило, представляли собой постепенную инфильтрацию в иноэтническую среду и не имели характера массового переселения народов.

В докладе «Кампанелла — критик Аристотеля» Д. В. Панченко (ЛОИИ) обратил внимание на то, что Кампанелла, начиная с труда «Философия, доказанная ощущениями» (1589 г.), полемизирует с Аристотелем — идет ли речь о строении неба, природе поэзии или принципах социального устройства. Однако критика высказываний Аристотеля подчас оборачивалась зависимостью от них — и в частности, и в принципиальных вещах. Так, тексту «Политики» (II, 5, 4) отчасти обязано следующее установление «Города Солнца»: «...еще при жизни в книгу героев записывается тот, кто изобрел новые искусства или важные секреты». В целом же наследие Аристотеля оказалось в некотором роде моделью для собственного творчества его противника. Кампанелла создает всеобъемлющую философскую систему: среди его сочинений были «Метафизика», «Физика», «Политика», «Этика», «Поэтика», «Риторика» и «Логика». Кроме того, от отрицаемого схоластического аристотелизма Кампанелла унаследовал представление о метафизике как высшей дисциплине. В результате его силы уходили на поиски ответов на разного рода вопросы и обоснование системы, в основе которой покоились два первоначала — Солнце-отец и Земля-мать и три прималитета — Мощь, Мудрость, Любовь. Таким образом, несмотря на присущую ему установку на новаторство, Кампанелла в ряде существенных отношений оказался пленником устаревшего способа философствования. Это во многом предопределило скептическое отношение к его трудам со стороны представителей новой философии и науки XVII в. и скорое их забвение. Реплика Галилея, мысленно обращенная к Кампанелле («...я предпочитаю найти одну истину хотя бы и в незначительных вещах, нежели долго спорить о величайших вопросах, не достигая никакой истины»), хорошо выражает один из аспектов коллизии.

1 декабря 1983 г. в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР состоялись II Доватуровские чтения.

И. А. Левинская (ЛОИИ) сделала сообщение о работе сотрудников группы истории древнейших государств на территории СССР и античного мира по разбору и описанию архива А. И. Доватура.

Архив состоит из нескольких частей: 1) законченные труды, темы которых отражают почти все основные стороны научного творчества А. И. Доватура, и наброски статей; 2) материалы, связанные с педагогической деятельностью А. И. Доватура (тексты лекций, спецкурсов, подробные планы семинаров и т.д.); 3) конспекты и библиографические обзоры; 4) письма. Сотрудники группы занимаются подготовкой к печати неопубликованных статей А. И. Доватура, в первую очередь материалов о Феогниде. В его архиве — статьи «Пессимизм Феогнида», «Позиция Феогнида в религиозных вопросах», «Феогнид, ст. 591—594», три тетради лекций о Феогниде, глава о древнегреческой элегии для учебника по литературе, в которой значительная часть посвящена Феогниду, библиография. Опубликованные и находящиеся в архиве статьи А. И. Доватура, посвященные творчеству мегарского поэта, подготавливаются в настоящее время к печати в виде отдельной монографии.

В докладе «Полис — тиран (К оценке державной политики Афин)» Э. Д. Фролов (ЛГУ) обратил внимание на то, что еще в древности была отмечена связь развития демократии в Афинах с державной политикой афинского государства (Аристотель). Эта политика, по мнению древних авторов, отличаясь инициативностью, *πολυπραγματοσύνη*, по существу в отношении прочих эллинов оказывалась тиранией (Фукидид). Внимательное изучение этого вопроса убеждает в правильности типологического сопоставления афинской державной политики с тиранией, а это в свою очередь приводит к важному выводу о невозможности идеализации афинской (вообще античной рабовладельческой) демократии.

В докладе «Говорящие неправду Музы у Гесиода» А. И. Зайцев (ЛГУ) отметил, что в стихе 28 «Теогонии» Гесиода Музы говорят о себе, что умеют говорить неправду. Сопоставление со стихом «Одиссеи» XIX, 203, переработкой которого является рассматриваемый стих «Теогонии», показывает, что Гесиод дает понять своим слушателям и читателям, что гомеровский эпос, который олицетворяют Музы, содержит не соответствующие истине утверждения. Таким образом, Гесиод подготавливает читателя к тому, что предлагаемая им систематизация мифов о богах неизбежно вступит в противоречие с гомеровским эпосом. По мнению докладчика, перед нами хронологически первый в известной нам письменности народов мира случай литературной полемики, столь характерной для древней Греции.

Свое выступление А. К. Гаврилов (ЛГУ) посвятил рассмотрению выражения $\alpha\epsilon\iota\lambda\epsilon\omicron\upsilon\tau\iota\nu\omicron\iota\ \pi\epsilon\rho\iota\ \tau\omicron\upsilon\varsigma\ \chi\rho\alpha\tau\eta\rho\alpha\varsigma$, засвидетельствованного у парэмиографов, из пояснений которых становится ясно, что с некоторых пор это выражение воспринималось как сардоническое. Каков был его исконный смысл? Если учесть, с одной стороны, что слово $\chi\rho\alpha\tau\eta\rho$ по ряду соображений употреблялось применительно к вулканам уже в V в. до н. э., а с другой — что леонтины в классическое время жили не только близ действующего вулкана, но и «как на вулкане», то естественно предположить: первично выражение представляло собой каламбур о леонтинцах, не лишенный аттической соли. Со временем крылатое слово превратилось в поговорку, применимую ко всем, чье положение может казаться завидным, а на деле — весьма опасно.

В докладе А. Н. Анфертьева (ЛЧИЭ) «Сады Мидаса» речь шла о Геродотовой версии предания в связи с происхождением македонской династии Теменидов (Herod., VIII, 137—139) и представлении о Македонии как прародине фригийцев, переселившихся оттуда в Малую Азию. Докладчик выдвинул предположение, согласно которому основная часть легенды пришла к македонянам из ираноязычного мира (идею фарна в ней уже отмечали Х. Клейнкнехт и Н. Г. Л. Хаммонд). Мотив «садов Мидаса» не является органической частью первоначального предания и не может служить аргументом в пользу македонской прародины фригийцев. Рассказы о поимке в этих садах Силена (или Сатира) и его последующих беседах с Мидасом относятся к кругу повествований о триумфальном шествии Диониса, в свите которого был Силен, и могли быть занесены в Македонию в ходе действительной экспансии фригийских оргиастических культов. Исконное место «садов Мидаса» — там, где их и видели Ксенофонт и его спутники (Xen., Anab. I, 2, 13), т. е. во Фригии. Вопрос о том, существовало ли в Македонии какое-либо фригоязычное население, должен решаться на основе совокупного анализа археологических и ономастических материалов.

В докладе «Вергилиев жребий» Е. Г. Рабинович (Ленинград) рассмотрела общий план «Жития великого грешника» на материале содержащихся в «Братьях Карамазовых» аллюзий из VI книги «Энеиды».

А. Б. Черняк (ЛОИЯ) в своем сообщении «Греческая *дзета* в латинском и романском. К языковой ситуации в позднереспубликанском Риме», рассматривая латино-романские рефлексy <z>, обратил внимание на то обстоятельство, что из трех известных вариантов произношения лишь первый по времени, плавтовское <s>, <-ss>, отражает ее эллинистическое звучание [z:], [z], в то время как классическое латинское [dz], сохраняющееся в ит. *зона*, *зего* и т. д., воспроизводит литературную аттическую норму, к I в. до н. э. уже исчезающую из повседневного обихода. Любопытно, что и романское отражение *дзеты** [dj], например, популярном суффиксе! *[-idjare] <-ίδην тоже восходит к литературному [dz], а не к эллинистическому произношению II в. до н. э. (ср. -issare у Плавта). Из этого следует: а) аттическое произношение *дзеты* было нормой не только для римской аристократии и греческой интеллигенции, но и для многочисленного грекоязычного населения столицы империи, передавшего его латино-романским народным массам Рима и Италии; б) нижняя граница реконструируемого Р. Холлом общероманского состояния должна быть отодвинута со II в. до н. э. («Гракхова латынь»), на I в. до н. э., так как ром. *[dj] < [dz] представляет собой *terminus post quem*.

В докладе «Путешествия Пифагора» Л. Я. Жмудь (ЛОИЕиТ) заметил, что в научной литературе Пифагор часто фигурирует как передатчик восточной мудрости. Основой такого взгляда служит античная традиция о его многочисленных путешествиях к египтянам, вавилонянам, персам, индийцам и т. д. Однако эта традиция носит чисто

легендарный характер. Ее росту способствовало представление о Пифагоре как о чудотворце, и легенды о его путешествиях бытовали рядом с рассказами о его чудесах. В сущности вся поздняя традиция восходит к нескольким свидетельствам V—IV вв. Геродот (II, 81, 123) лишь намекает на близость пифагорейских и египетских взглядов. Опираясь на него, Исократ (Bus. 28) выдумывает путешествие Пифагора в Египет. Историк конца IV в. до н. э. Гекатей из Абдеры уснащает это путешествие подробностями, взятыми опять-таки из Геродота (FrGrHist 264 F 25, 96, 98). Подробный разбор этих сообщений показывает, что они не являются историческими свидетельствами и не заслуживают доверия.

В докладе «Геродот и европейская литературная утопия» Д. В. Панченко (ЛОИИ) отметил, что литературная утопия и родственные сочинения полны геродотовских реминисценций. В частности, Геродот повлиял на Т. Мора и Т. Кампанеллу. Но значение Геродота далеко не сводится к совокупности следов его «Истории»: он стимулировал реализацию того элемента литературной утопии, без которого она вообще невозможна. Этот элемент — удовольствие, переживаемое автором утопии от воображаемого им мира. Образами мощи и экзотики, которыми насыщена Платоновская Атлантида, она в значительной мере обязана Геродоту. Принципиально существенную роль в литературных утопиях играют архитектурно-пространственные образы, поскольку именно они открывают путь целостному выражению психологической ситуации, в которой находится утопист, доминантной потребности, движущей им как автором утопии. Архитектурно-пространственный образ идеального государства — важнейшее для истории жанра изобретение Платона. Анализ отрывка «Законов» Платона (VI, 778 с) и сопоставление его с текстом Геродота (Herod., 98—99) дают веские основания предполагать, что чтение Геродота имело стимулирующее значение и в этом отношении.

В докладе А. Н. Васильева «К вопросу о соправительстве первых Спартокидов» отмечалось, что в литературе широко распространена гипотеза о существовании при первых Спартокидах особой системы соправительства. Правомерно предположение о территориальном разделе государства между соправителями Спартоком II и Перисадамом. Совместное правление Сатира I и Селевка является весьма вероятным, чего нельзя сказать о совместном правлении Левкона I и Горгиппа, поскольку спорен вопрос о признании их братьями. Вызывает сомнения тождественность Сатира, упоминаемого Диодором (XIV, 93, 1), и Сатира из рассказа Полиена (VIII, 55). Первому согласно Диодору, наследовал Левкон, второму, по Полиену, — Горгипп. Кроме того, Сатир Диодора умер при осаде Феодосии (по данным других источников), а Сатир Полиена — во время войны с меотами. Две версии о смерти Сатира и различных наследниках трудно объяснить. В пользу мнения А. Бека о двух Сатирах говорит свидетельство Страбона (XI, 2, 7) о памятнике (τὸ μνημεῖον) Сатира на Азиатском Боспоре, представляющем собой находящийся на каком-то мысе курган (χωστὸν). Трудно увязать сооружение кургана Сатиру I на азиатском берегу с сообщением о смерти его при осаде Феодосии. Характерно, что спустя 70 лет Сатир II, погибший вдали от столицы, был привезен в Пантикапей и погребен в «царской гробнице» (Diod., XX, 24). Нельзя утверждать, что погребения прадеда и правнука были идентичными, однако аналогия вполне правомерна, что дает основание сомневаться в правоте традиционной точки зрения о взаимоотношениях Левкона и Горгиппа.

С. А. Тазтаджян посвятил свой доклад «Изображение „счастливых“ и „добродетельных“ народов в античной литературе» рассмотрению распространенной традиции примитивистских описаний реальных и вымышленных (в той или иной степени) народов. Внутри этой традиции автор доклада выделил две модели для описания «счастливых» и «добродетельных» народов соответственно и высказал ряд соображений о происхождении этих моделей.

И. А. Левинская